

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Политическая лингвистика. 2024. № 6 (108).

Political Linguistics. 2024. No 6 (108).

УДК 821.161.1-4+81'27+811.161.1'42

ББК Ш141.12-51+Ш33(2Рос=Рус)64-446

ГРНТИ 16.21.33; 16.21.27

Код ВАК 5.9.9

Наталья Борисовна Руженцева

Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия, verbalis@mail.ru, SPIN-код: 9753-5994

Политический портрет Б. Н. Ельцина в публицистике Максима Соколова: эссе, развернутое во времени

АННОТАЦИЯ. Автор обращается к политическому портрету Б. Ельцина, созданному Максимом Соколовым, одним из самых ярких российских публицистов конца XX — начала XXI века. В качестве материала был избран цикл эссе М. Соколова, написанный в 1993–2023 гг. и объединенный образом первого президента Российской Федерации. Автор статьи сделал попытку реконструкции портрета политика на дискурсивном, то есть развернутом во времени уровне, исходя из мысли о том, что соотносимый лишь с одним периодом политической карьеры эссеистический текст имеет небольшой уровень информативности. Как следствие, достаточно полный портрет политика в жанре эссе можно реконструировать лишь исходя из совокупности текстов указанной жанровой формы.

Инвариантный смысл совокупности публикаций М. Соколова (положительное мнение о Б. Ельцине как президенте РФ) и концепция публикаций (защита Б. Ельцина как президента РФ, оправдание его действий как политика) представлены в текстах, объединенных рядом сходных черт, свойственных жанру эссе. Это отступления от основного смысла (темы) публикации, побочные ассоциативные связи; обоснование точки зрения автора не столько доказательством (логическими аргументами), сколько убеждением; несоответствие текстов каноническим жанровым формам; монтажная композиция публикаций; жанровый синкретизм, пересечение с жанровыми формами фельетона и памфлета; аксиологическая направленность совокупности текста, формирование аксиологических оппозиций; оценочность текста: ярлыки, апологетизмы, ироническая тональность, преобладание эмоциональной аргументации над логической; включение фигуры Б. Ельцина и связанных с ним событий в вертикальный контекст истории и культуры, высокая степень интертекстуальности текста, аргументы-анalogии; метафоричность выражения авторской мысли; идиостилевая специфика, авторизация дискурса М. Соколова. Последняя, по мнению автора статьи, заключается в многотемности статей (присутствии, наряду с главной темой, нескольких дополнительных тем, ассоциативно связанных с основной); дискурсивном характере хронотопа; полистилизме и интертекстуальности текстовой ткани эссе.

В целом обращение автора к циклу публикаций М. Соколова позволяет утверждать, что политический портрет Б. Ельцина находит свое формально-содержательное и концептуальное выражение лишь в совокупности эссеистических текстов, в которых репрезентированы все виды «свобод» прессы: свобода тематическая, прагматическая и стилистическая. Как следствие, совокупность текстов политического портрета успешно выполняет основные функции жанра эссе — отстаивать свободную мысль, уходить от общественных догм и формировать новое общественное сознание.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: публицистика, публицистический дискурс, эссе, российские президенты, Б. Ельцин, публицисты, портрет политика, политический портрет, признаки жанра, политический дискурс, политические деятели, русский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Руженцева Наталья Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры межкультурной коммуникации, риторики и РКП, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет; 620091, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; email: verbalis@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Руженцева, Н. Б. Политический портрет Б. Н. Ельцина в публицистике Максима Соколова: эссе, развернутое во времени / Н. Б. Руженцева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 6 (108). — С. 12–20.

Natal'ya B. Ruzhentseva

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, verbalis@mail.ru, SPIN code: 9753-5994

The Political Portrait of Boris Yeltsin in Maxim Sokolov's Journalism: An Essay Unfolded in Time

ABSTRACT. The author turns to the political portrait of Boris Yeltsin created by Maxim Sokolov, one of the most prominent Russian publicists of the late 20th and early 21st century. A series of essays by Sokolov, written in 1993–2023 and combined with the image of the first president of the Russian Federation, was chosen as the material. The author of the article makes an attempt to reconstruct the portrait of a politician on a discursive, that is, a time-expanded level, based on the idea that an essayistic text correlated with only one period of a political career has a low level of informativeness. As a re-

© Руженцева Н. Б., 2024

sult, a fairly complete portrait of a politician in the genre of an essay can be reconstructed only based on a fairly large number of texts of the specified genre form.

The invariant meaning of a number of publications by Sokolov (a positive opinion of Boris Yeltsin as President of the Russian Federation) and the publications concept (defense of Boris Yeltsin as President of the Russian Federation, justification of his actions as a politician) are presented in the texts united by a number of similar features peculiar to the genre of the essay. These are: digressions from the main meaning (theme) of the publication, secondary associative connections; substantiation of the author's point of view not so much by proof (logical arguments) as by conviction; non-conformity of texts with canonical genre forms; montage-like composition of publications; genre syncretism, cross-section with genre forms of the feuilleton and pamphlet; axiological orientation of the texts taken as a whole set; formation of axiological oppositions; value-based quality of the text: labels, apologies, ironic tonality, predominance of emotional argumentation over the logical one; inclusion of the figure of Boris Yeltsin and the related events in the vertical context of history and culture, a high degree of intertextuality of the text, arguments-analogies; metaphorical expression of the author's thought; individual style specificity, and authorization of Sokolov's discourse. The latter, in the opinion of the author of the article, consists in the multitopicality of the articles (the presence, along with the main topic, of several additional topics associated with the main one), the discursive nature of the chronotope, and the polysemy and intertextuality of the textual fabric of the essay.

In general, the author's interest in the cycle of publications by Sokolov allows stating that the political portrait of Boris Yeltsin finds its formal, meaningful and conceptual expression only in a whole set of essayistic texts in which all types of "freedoms" of the press are present: topical, pragmatic and stylistic freedoms. As a result, the whole set of texts of the political portrait successfully performs the main functions of the essay genre — to defend freedom of thought, to move away from social dogmas and to form a new public consciousness.

KEYWORDS: journalism, journalistic discourse, essay, Russian presidents, B.N. Yeltsin, journalists, portrait of a politician, political portrait, genre characteristics, political discourse, politicians, Russian language.

AUTHOR'S INFORMATION: Ruzhentseva Natal'ya Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Institute of Philology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Ruzhentseva N. B. (2024). The Political Portrait of Boris Yeltsin in Maxim Sokolov's Journalism: An Essay Unfolded in Time. In *Political Linguistics*. No 6 (108), pp. 12-20. (In Russ.).

Портрет политика можно реконструировать с разных точек зрения, а типологию жанра — представить по разным основаниям. Это могут быть: собственно политические портреты, которые являются рассказом о личности и деятельности политика от 3-го лица (автора-журналиста); 2) речевые (языковые) портреты, отражающие специфику речевой коммуникации того или другого политика [см., например: Вагенляйтер, Никитина 2014]. В свою очередь, журналистские портреты (тексты СМИ) могут быть классифицированы по жанровому основанию. Мнение о существовании в дискурсе СМИ единого жанра «портретирование» [Там же: 31] представляется нам дискуссионным. Мы считаем, что к текстовым репрезентантам образа политика можно отнести целый ряд жанровых разновидностей текста, а именно:

« — портретный очерк;
— портретная зарисовка;
— портрет-биография;
— портрет-хроника;
— портрет-мемуары;
— портрет-характеристика;
— портрет-слоган и портрет-ярлык;
— портрет-версия;
— портрет-рецензия;
— портрет-отчет;
— портрет-интервью;
— портрет-прогноз и ряд других жанровых форм» [см.: Руженцева, Нахимова, Никифорова 2020].

К наиболее интересным формам политического портрета относится портрет-эссе. Специфика представления политической информации в свободной эссеистической форме и побудила нас обратиться к творчеству Максима Соколова — одного из наиболее ярких представителей политической публицистики 90-х годов XX века и начала XXI века.

Наиболее общие признаки жанра эссе — это «свободный выбор проблемы, необщепринятость трактовки, отсутствие системы в изложении материала, допустимость неаргументированных выводов» [Словарь литературоведческих терминов под ред. Тимофеева, Тураева]. Функция статьи-эссе — «найти у читателя не только логический, но и обязательный эмоциональный отклик на какие-нибудь явления искусства или жизненные вопросы, в нем затронутые» [Баранов, Бочаров, Суровцев 1982: 161].

В связи с широким распространением эссеистики как неканонического, свободного жанра сведения о нем постоянно дополняются ценными замечаниями по поводу его организации. Так, В. И. Хализев ставит в центр предметно-смыслового аспекта эссе мысли, не претендующие на исчерпывающую трактовку предмета и допускающие возможность иных суждений, а структуру эссе характеризует как «непринужденное свободное соединение суммирующих сообщений о единичных фактах, описаний реальности и (что особенно важно) размышлений о ней» [Хализев 1999: 317].

Принципиально важны для понимания жанровой концепции эссе мысли М. М. Эпштейна, который считал, что в основе эссеистики лежит не концепция личности как носителя знаний, а как носителя «гносеологической категории мнений» [Эпштейн 1987: 133]. Авторское мнение играет важнейшую роль при текстопорождении и рецепции жанра эссе и понимается как «уверенность, которая основана не на абсолютной бесспорности или положительном (твердом, точном) знании, а на том, что кажется верным, действительным или возможным отдельному индивиду» [Пейн 1987: 144]. В свою очередь, мнение автора эссе по тому или иному вопросу выражается в тексте в свободной, неканонической форме: «Ряд событий выступает как вариация некоторого инвариантного смысла... Господствуют не сюжетные или логические последовательности, а семантические аналогии и параллели» [Там же: 133–134]. Свободное мнение, облеченное в свободную форму, детерминирует и функциональную специфику эссе, и авторизацию публицистического дискурса, граничащую иногда с его чрезмерным субъективизмом.

В качестве материала нами был взят цикл эссе М. Соколова, созданный им с 1993 по 2023 г. и объединенный образом президента РФ Б. Н. Ельцина:

- *Ельцин: «Я вам не птица Феникс»* (1993);
- *Ельцин и триста спартанцев* (1994);
- *18-ое брюмера Бориса Ельцина* (1995);
- *Я считаю Ельцина фигурой, вполне соразмерной де Голлю* (2005);
- *Экспертная колонка «На улице Правды». Раздавливающая держава* (2005);
- *«Ныне отпускаеши». На смерть Ельцина* (2007);
- *Как закалялась сталь* (2010);
- *Два брата* (2013);
- *Борьба с Ельцин-центризмом. Почему стоит сохранить музей прежнего правителя?* (2023).

С нашей точки зрения, реконструкция политического портрета Б. Ельцина в жанре эссе эффективна лишь на материале цикла статей. «Применительно к газетным текстам портрет политика — это мозаика, складывающаяся из семантических доминант, репрезентированных разноуровневыми языковыми единицами» [Вагенляйтер, Никитина 2014: 31]. В связи с этим можно добавить, что мозаика складывается не только на уровнях языка, речи и текста, но и на уровне дискурса, предполагающего развертывание информации о политике во времени. Дело в том, что отдельный текст эссе часто имеет

невысокую степень информативности, слабую степень детализации фигуры политика и соотносит его личность лишь с отдельным периодом его политической карьеры. Как следствие, максимум информации о политике и его достаточно полный портрет можно получить лишь из совокупности текстов указанной жанровой формы.

Перейдем к общим признакам цикла статей, объединенных фигурой Б. Ельцина, как совокупности именно эссеистических форм организации текста. Инвариантный смысл совокупности публикаций (положительное мнение о Б. Н. Ельцине как президенте РФ) и концепция публикаций (защита Б. Ельцина как президента РФ, оправдание его действий как политика) представлены в текстах, объединенных рядом сходных черт, свойственных именно эссе. Это:

1. Отступления от основного смысла (темы) публикации, побочные ассоциативные связи.

2. Обоснование точки зрения автора не столько доказательством (логическими аргументами), сколько убеждением, которое «предполагает такое воздействие, при котором люди, как им кажется, имеют возможность поступать по своему усмотрению, обладают свободой воли, могут сознательно и практически оценивать предлагаемые решения и доводы в их защиту» [Култышева 2011: 8]. «Доказательность в жизни отнюдь не обозначает убедительности, а убедительность, к сожалению не всегда совпадает с доказательностью» [Брюшинкин 1988: 16–17].

3. Несоответствие текстов каноническим жанровым формам (очерку, статье, биографии и др.); монтажная композиция публикаций.

4. Жанровый синкретизм, в частности — пересечение с жанрами фельетона и памфлета.

5. Аксиологическая направленность совокупности текстов; формирование аксиологических оппозиций.

6. Оценочность текста: ярлыки, апологизмы (глорификаторы), ироническая тональность, преобладание эмоциональной аргументации над логической.

7. Включение фигуры Б. Ельцина и связанных с ним событий в вертикальный контекст истории и культуры; высокая степень интертекстуальности текста; аргументы-анalogии.

8. Метафоричность выражения авторской мысли.

9. Идиостилевая специфика, авторизация дискурса М. Соколова.

Попробуем проиллюстрировать сказанное.

1. Отступление от основного смысла публикации

Так, темой публикации «Я вам не птица Феникс» является отказ Б. Ельцина от досрочных президентских выборов. В свою очередь, отступлениями от темы публикации можно считать:

а) обзор реакций политиков на решение Б. Ельцина не устраивать досрочные президентские выборы;

б) сравнение президентской программы Б. Ельцина и Г. Явлинского, политический прогноз для Г. Явлинского;

в) политический прогноз для С. Шахрая.

Ярким примером отступления от темы, заявленной в заголовке текста, является публикация «Я считаю Ельцина фигурой, вполне соразмерной де Голлю». Подобный заголовок предполагает сопоставление в основном тексте двух политиков (Ельцина и де Голля), однако читатель сталкивается с эффектом обманутого ожидания. В тексте полностью нарушены прогнозы текста по заголовку. Вопросы заданы пользователями Интернета и имеют случайный по отношению к теме публикации и даже к фигуре Б. Ельцина характер, ср.:

• Почему ушел Степашин? Версий много. Что вы думаете на этот счет?

• Какая ниша на рынке СМИ, по-вашему, еще не занята? Каких изданий не хватает?

• Как вы видите роль РПЦ в политической жизни России?

Лишь один вопрос и ответ на него имеют отношение к теме публикации, однако авторское утверждение, вынесенное в заголовок, осталось чисто декларативным и обоснования не получило:

Вопрос: Отчего среди русских за 20 лет реформ не нашлось человека, подобного де Голлю или Атамюрку, способного реформировать страну? Какой-никакой социальный заказ ведь существует (или существовал?) на вестернизацию (Александр Уфа).

Ответ: Я не уверен, что крайне жесткий политический стиль Атамюрка, ломавшего нацию через колено и при этом отнюдь не отличавшегося мягкосердечием, не породил бы такие нарекания, по сравнению с которыми брань по адресу Ельцина и Путьна смотрелась бы сладчайшими комплиментами. Я не знаю, готовы ли Вы к ситуации «Атамюрка заказывали?». Что касается де Голля, то при всей запущенности дел во Франции 50-х гг. и при всем моем уважении к этому политику задачи, стоявшие перед ним, были все же существенно легче, нежели те, что стояли и сто-

ят перед Россией. Впрочем, я считаю Ельцина фигурой, вполне соразмерной де Голлю, и убежден, что в будущей богатой, сильной и свободной России будут стоять памятники Ельцину.

2. Обоснование точки зрения автора не столько доказательством, сколько убеждением адресата

Эссеистическая манера письма предполагает преимущественное использование оценочных, а не фактологических тезисов и ценностных аргументов. «Оценочный тезис выражает оценку явления, которая в дальнейшем изложении аргументируется» [Майданова 1992: 9]. Такие тезисы связаны не со сферой знания, а со сферой мнений, представлений, оценочных характеристик. В свою очередь, ценностные аргументы — это «суждения, достоверность которых не очевидна» [Там же: 11], а их истинность самостоятельно не доказана. Таким образом, авторское мнение в текстах-эссе чаще всего обосновывается самим собой. Убеждающий эффект при такой аргументации достигается экспрессивной манерой письма, аналогиями, апелляцией к нравственным ценностям и общественным интересам, а также личным, заинтересованным отношением к происходящему или к лицу, о котором идет речь. В качестве примера убеждения приведем фрагмент из публикации «Как закалялась сталь». Публикация посвящена сопоставлению Б. Ельцина как народного трибуна в политике с Ю. Шевчуком как народным трибуном в поэзии.

ТЕЗИС-МНЕНИЕ: Когда певец Ю. Ю. Шевчук окончательно вошел в роль народного трибуна, воодушевляя граждан публичными выступлениями с острой критикой режима, несистемной оппозиции это сильно добавило оптимизма. Оно понятно.

АРГУМЕНТ-АНАЛОГИЯ: Список несистемных вождей и трибунов не обновлялся Бог знает сколько лет, напоминая ту засаленную колоду карт, которой только поповны на женихов гадают.

АРГУМЕНТ-МНЕНИЕ: Опять же с известностью за пределами МКАД (которая тут понимается как в прямом географическом, так и в переносном социальном смысле) все было не просто неважно, но очень неважно.

Из тезиса-мнения, обоснованного аргументами, истинность которых не доказана самостоятельно, следует ВЫВОД АФОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА (намек на преимущество Ельцина над Шевчуком):

Из одного дерева режутся короли, из совершенно другого — поэты, так уж самим Господом Богом заведено.

3. Монтажная композиция публикаций

«Слово „монтаж“ обрело ныне еще более широкое значение. Им стали фиксироваться те со- и противопоставления (подобия и контрасты, аналогии и антитезы), которые не продиктованы логикой изображаемого, но напрямую запечатлевают авторские ход мысли и ассоциации. Композицию, где этот аспект произведения активен, принято называть „монтажной“» [Хализев 1999: 276].

В качестве примера реализации монтажной композиции можно привести публикацию «Восемнадцатое брюмера Бориса Ельцина», в которой текстовые фрагменты, поставленные рядом, дают новый смысл, порождают новое представление о событиях осени 1993 года и роли в них Б. Ельцина как борца с наступившей реакцией, ср. заголовочный комплекс текста:

ЗАГЛОВОК: *Восемнадцатое брюмера Бориса Ельцина* (отсылка к работе К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»).

ЛИД: *Случившееся в России два года назад — типичный реакционный переворот, являющийся практически неизбежным в ответ на революционный вызов.*

ВНУТРЕННИЕ ЗАГЛОВОКИ, обеспечивающие членение материала и его одновременно объединение внутренними смысловыми связями:

- *Некоторые реальные картины двухгодичной давности.*
- *Ельцин осуществил заветную мечту советской интеллигенции.*
- *Отсутствие желания осмыслить происходящее.*
- *Осенью 1993 случился развод общества и власти.*
- *Послеоктябрьская Россия воспроизвела еще не самый худший отечественный образец.*
- *Само по себе наступление реакции было неизбежным.*
- *Присущий реакционным эпохам неадекватный взгляд на политическую ситуацию.*

Приведем монтажную структуру текста («аналогии и антитезы, подобия и контрасты»), которая способствует оправданию М. Соколовым действий Б. Ельцина как политика, противодействующего реакции и защищающего революционные изменения:

Ельцин осуществил заветную мечту советской интеллигенции

Искренние проклятия кровавому режиму, раздающиеся с вечера 4 октября 1993 года и до сего дня, мешают обратить внимание на то обстоятельство, что именно проклятый режим сделал явью бывшее рефреном на интеллигентских кухнях 60-х–70-х гг. страстное в своей несбыточности поже-

вание «Ах, если бы... Ах, если бы в 1917 году, вместо того чтобы покорно склоняться перед большевиками, власть явила хотя бы толику твердости и тем избавила бы Россию от последующего коммунистического кошмара». 1993 год реализовал интеллигентские моления. Власть так же валялась на земле, армия и полиция так же бездействовали, люди, вышедшие на улицу по призыву Гайдара, до боли напоминали юнкеров-гимназистов, пытавшихся защитить Временное правительство. Разница была лишь в том, что Керенский не решил-ся стрелять, а Ельцин решился. Сегодня, спустя два года Россия имеет крайне несовершенный режим, однако же с буржуазными свободами, коммунальными услугами и даже рублем в качестве платежного средства. Спустя два года после 1917-го был 1919-й.

4. Жанровый синкретизм, пересечение эссе с фельетоном и памфлетом

Общим для жанровых форм эссе, памфлета и фельетона является присутствие в тексте личности автора, его собственный взгляд на людей или события, о которых идет речь. Включению в текст авторского начала способствует также парадоксальность высказываний и ироническая тональность текста. Под парадоксом понимается «явление (или высказывание), противоречащее, хотя бы внешне, „здравому смыслу“» [Большая советская энциклопедия 1975: 17], ср. примеры парадоксальных суждений, парадоксальных сравнений и парадоксальных атрибуций:

• *Заграница реагировала кисло-сладко. Лица, находящиеся у власти... скорее сладко. Оппозиция — более кисло.*

• *Канцелярит — это болезнь языка, благополучно пережившая СССР, просто теперь канцелярит и штампованность все больше выражаются в кальках с американского, причудливо чередуясь с пацанскими оборотами речи. Официальные вожди тоже подвержены этой манере, и, очевидно, куда конь с копытом, туда и трибун с клешней. Все изъясняются на чудовищном наречии.*

• *Когда, грубо говоря, предлагается выбор между Эльчибеим и Алиевым, плюшевый авторитаризм Ельцина начинает смотреться меньшим злом.*

5. Аксиологическая направленность совокупности текстов

Специфичной чертой эссеистики М. Соколова является оппозитивная подача материала, и в том числе — осмысление ценностей «как диад с положительными и от-

рицательными полюсами, в этом случае контрастируют ценности и антиценности» [Карасик 2019: 5], ср. контраст в отношении к Ельцин-центру (ранее отношение как к ценности, а в настоящее время — как к антиценности):

Скорее, дело в другом. Кремлевская крыша (Ельцин-центра. — Н. Р.) сильно прохудилась.

Одни сислибы, как А. Б. Чубайс, вовсе отъехали за границу. Другие хоть и не отъехали, но их административный ресурс сократился. И если уж тратить остатки этого ресурса, то, скорее, не на «Ельцин-центр», а на более важные институты. Когда настает военная нужда, действует принцип «не до грибов мне нынче».

И поняв, что центр сейчас остался без защиты (во всяком случае, без надежной, как прежде, защиты), критики стали рвать его на клочья. Тут явилась и КПРФ, и «Справедливая Россия», и поэты-патриоты, сейчас прославленные в работе на СВО. Странно было не увидеть в этой коалиции и Н. С. Михалкова.

Конечно, твердая убежденность в том, что всё в России — и при царях, и при коммунистах — было во всех смыслах неудовлетворительно и даже преступно и только в 90-е настало просветление (хотя, как оказалось, лишь временное), — такая ортодоксальная убежденность напоминает пословицу «Все кузни обошел, а некован воротился».

Все-таки расчет с прошлым должен быть иным:

*«Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют».*

И чрезмерная апологетика в деятельности «Ельцин-центра» вызвала вопросы. Но разве их не вызывает противный подход: «разорю!» и «не потерплю!»? Кремлевское отношение к центру представляется более разумным и взвешенным.

6. Оценочность текста

Ценности репрезентируются в текстах посредством оценочной лексики и оценочных суждений. У М. Соколова это прежде всего ярлыки, апологетизмы (глорификаторы), ирония и другие средства авторской оценки фигуры Ельцина, окружающих его людей и эпохи, связанной с его именем. К ним относятся:

а) средства негативной оценки субъекта или группы:

– *Хасбулатов — существо убогое и не-далекое;*

– *В случае его гипотетического восшествия на престол свежий помазанник будет вынужден платить по векселям, которые он щедро выдает провинциальной номенклатуре;*

– *Представляющий собой чистую свалку оскандалившихся отставников гражданский союз;*

– *боярин Михалков также разумел педагогическую функцию екатеринбургского музея;*

б) средства негативной оценки власти:

– *проклятый режим;*

– *«Ленивы, алчны и перед престолом криводушны». С укреплением власти все сказанные черты явились в полном объеме;*

– *С тем, что четвертьоктябрьский режим явился отнюдь не в образе Афродиты... а в виде традиционного черного кобеля, которого не отмоешь добела, согласны в общем все;*

в) средства позитивной оценки фигуры Б. Н. Ельцина (апологетизмы, позитивно-оценочные атрибуции и суждения):

– *Чтобы исполнить такую неподъемную миссию, нужен был действительно великий государственный муж, да уж скажем даже проще — необычайно крепкий уральский мужик со звериным политическим чутьем, с огромной волей, со смелостью и с открытостью. Та натура, про которую принято говорить «пулям не кланялся» — брал всю ответственность на себя. Вероятно, Россия для чего-то нужна в Божьей экономике — иначе этот мужик нам не был бы ниспослан. Ибо ни среди тогдашних мужей, ни среди сегодняшних не проглядывается того, кого мог бы, как он, протащить все это на своем горбу через ревушие девяностые;*

– *Б. Н. Ельцину была присуща сильнейшая воля к власти — признак прирожденного политического животного;*

– *Тут упоминание Ельцина и прото-Ельцина как раз уместно, поскольку попытки такого рода... только укрепили тогдашнюю ельцинскую харизму.*

7. Высокая степень интертекстуальности

Под этим понимается использование прецедентных текстов, обеспечивающих включенность публикаций М. Соколова в вертикальный контекст культуры и в общее ментальное пространство, ср.: «ПТ, представляя собой готовые интеллектуально-эмоциональные блоки-стереотипы, образцы... используются как инструмент, облегчающий и ускоряющий осуществляемое языковой личностью переключение из „фактологического“ контекста мысли в „ментальный“, а возможно, и обратно» [Караулов 1987: 220]. Примером

может служить публикация «Ельцин и триста спартанцев», которая посвящена: а) проблемам взаимоотношения федеральной власти и регионов и б) взаимоотношениям федеральной власти и мэра Москвы Ю. Лужкова. Авторская точка зрения на эту проблему и прогноз о результативности возможных действий Б. Ельцина репрезентированы М. Соколовым через известную историческую аналогию — историю царя Леонида и трехсот спартанцев, перекрывших путь войску Ксеркса в Фермопильском ущелье:

Львиная доля финансовых, товарных, информационных потоков проходит через Москву. Сверхцентрализация инфраструктуры в сочетании с децентрализацией управления означает, что в Москве заведомо создается ситуация Фермопильского ущелья: царь Леонид и его триста спартанцев, заняв ключевые позиции в ущелье, т. е. контролируя недвижимость, через которую идут вышеописанные потоки, могут, если они того пожелают, контролировать нечто большее — оказывать серьезнейшее влияние на финансово-экономическое положение страны в целом. Сомнительно, чтобы, не урегулировав ситуацию с Леонидом и тремястами спартанцами, президент сумел бы урегулировать отношения с регионами. Покуда федеральная власть напоминает бессильные перед горсткой отважных спартанцев полчища персидского царя Ксеркса, а позиция самого мэра, очевидно, идентична словам, высеченным на установленном у Фермопил надгробии: «Путник, поведай, скажи гражданам Лакедемона, что, их заветы блюдя, здесь мы когтем полегли».

В целом множественные обращения М. Соколова к прецедентным именам, текстам и ситуациям помогают автору «осуществить „связь эпох“, вписать свое произведение в контекст времени, культуры, осмыслить закономерности настоящего с опорой на опыт прошлого» [Прохорова 2005: 37].

8. Метафоричность выражения авторской мысли

Доминирующими в публикациях М. Соколова являются метафоры гибели, разрушения, развала, распада: *раздавливающая держава, рвать на клочья Ельцин-центр, кремлевская крыша сильно прохудилась; болезни: Российские политики испытали сильную изжогу уже сегодня; движения, в том числе — в спорте: Если дистанция оказывается стайерской — аж до 1996 года, то взявшие спринтерский разбег претенденты (на должность президента РФ. — Н. Р.) оказываются в незавидном положении; действия с материалом: Повторюсь,*

Ю. Ю. Шевчук при всех своих качествах (все более вполне симпатичных) — это не то дерево, из которого режутся короли. Дендрологический факт. Но если завтра появится то дерево, из которого режутся, а ответ будет столь же разумен и прекрасен, то при таком способе ведения дел станет трудно ручаться за что бы то ни было.

«Усилению значимости метафоры в тексте способствует ее использование в условиях максимального „текстового напряжения“, в ситуации, когда эта метафора привлекает особое внимание адресата» [Чудинов 2006: 161]. Так, метафора гибели поставлена М. Соколовым в сильную позицию в заголовке «Раздавливающая держава»; в свою очередь, концентрация метафор на небольшом фрагменте текста усиливает его эмоциональность, экспрессивность, индивидуально-авторскую образность, ср. метафорическое представление гибели России и спасения ее Б. Н. Ельциным:

Но многие мыслили тогда и оценивают деятельность Ельцина теперь в не столь требовательных категориях выживания и спасения. Чтобы обрушившиеся конструкции коммунизма не то чтобы при своем падении вовсе никого не задели и ничего не повредили — но хотя бы не задавили насмерть. Чтобы при расчете с коммунизмом удалось избежать самых смертных опасностей и тело страны начало бы потихоньку оживать и раздыхаться.

Но в этих категориях первый президент России свою миссию исполнил и перед Всевышним ответил. Ельцину удавалось — и не один раз — **протащить Россию в миллиметре от пропасти** и все ж таки **дотащить до более или менее спокойного нового века. Русский XX век, начавшись страшно, избежал симметрически страшного завершения.**

Текстообразующая функция метафоры проявляется у М. Соколова и в смене полюсов метафорической оценки ельцинской эпохи: негативная метафорическая оценка периода распада страны сменяется позитивной метафорической оценкой периода ее восстановления под управлением Б. Ельцина, ср.:

*Сегодня легко рассуждать о всех кособокостях и обидных слабостях ельцинской эпохи. Несколько труднее представить себе, каким образом вообще можно было сдержать **расползающуюся ткань государства и общества**, а сдержав — **ставить те заплатки и временки, которые со временем начали приживаться,***

врастать и в итоге — худо-бедно работать. К концу ельцинского правления русская держава была слабой, изнеможенной — но уже как-то сложившейся и существующей не в одной лишь символике.

9. Идиостилевая специфика публикаций

М. Соколова, посвященных фигуре

Б. Ельцина, авторизация его эссе

Общими признаками жанра эссе являются построение текста по принципу жанровой амальгамы, монтажность композиции; преобладание убеждения над доказательством; выраженная тональность текста; оценочность, часто заменяющая логическую аргументацию. В свою очередь, индивидуально-авторский характер эссеистических текстов часто достигается у М. Соколова:

а) многотемностью статей (присутствием, наряду с главной темой, нескольких дополнительных тем, ассоциативно связанных с основной);

б) дискурсивным характером хронотопы, то есть развернутостью политического портрета во времени и пространстве (каждый отдельный текст не является детальным, хронологически выстроенным портретом политика — это скорее зарисовка, в которой Б. Н. Ельцин изображается в связи с тем или иным событием, происходящим в период его жизни или даже после смерти). Примером может служить фрагмент из статьи «Ныне отпускаеши», написанной на смерть Б. Ельцина. В небольшом фрагменте авторское отношение к политику (*царский венец вообще сильно похож на мученический*) переходит в характеристику положения дел в России начала 90-х годов. Эта характеристика сменяется ссылкой на песню Ю. Шевчука и ретроспективной авторской оценкой ситуации осени 1993 года (*ощутимое приближение черного хаоса*), то есть дискурсивными хронологическими смещениями, ср.:

Первый президент России ушел навсегда. Сказанное им 31 декабря 1999 г. «Я ухожу. Я сделал свое дело» подтверждено окончательно. Теперь он только — в мировой истории, и она судит, как получилось у него за Россию перед Всевышним отвечать.

Этот ответ страшен всегда — царский венец вообще сильно похож на мученический, но сугубо и трезубо он был страшен, когда Б. Н. Ельцин принял русскую державу. Точнее — то, что в 1991 г. ею называлось. От державы тогда была одна символика, что до прочих признаков государства — границы, деньги и казна, работающее хозяйство, сколь-нибудь дееспособная система власти, — все это было по преимуществу в области благих пожела-

ний. «Предчувствие гражданской войны» — эта популярная позднестроительная песня артиста Шевчука — стала отдавать не столько предчувствием, сколько ощутимым приближением черного хаоса. Хотя и без всполоха гражданской войны в октябре 1993 г. не обошлось. Но — по Божьей милости — всего лишь всполоха;

в) полистилизмом, интертекстуальностью и полидискурсивностью, суть которых применительно к творчеству М. Соколова лучше всего, на наш взгляд, охарактеризовал публицист и политолог Дм. Ольшанский:

«Суть творческого метода Соколова — соединение сюжизмного и классического, сопряжение низкой политики и высокой словесности, торжественной речи и крепких выражений. Много лет спустя можно подумать, что это как будто бы несложно — достаточно быть усердным читателем и способным писателем, — но сначала эту технику нужно было изобрести, нужно было найти точное время и место, чтобы она начала сиять среди авгиевых конюшен советской печати, нужно было вложить в эту манеру изрядную силу любви и таланта, чтобы потом эти формальные новации были освоены многими и потускнели от частого использования» [Ольшанский: www].

Обращение к циклу публикаций позволяет утверждать, что политический портрет Б. Н. Ельцина, создаваемый на протяжении 30 лет М. Соколовым, находит свое формально-содержательное и концептуальное выражение лишь в совокупности эссеистических текстов, в которых репрезентированы «все виды „свобод“, завоеванных прессой: свобода тематическая, прагматическая (отсутствие внешней обусловленности оценки) и стилистическая» [Платонова, Виноградов 1996: 256]. Как следствие, развернутая во времени совокупность текстов М. Соколова, посвященных Б. Ельцину как спасителю России в «революционные» годы, соответствует содержательно-формальной организации эссе (мнению, обоснованному самим собой) и успешно выполняет основные функции жанра — отстаивать свободную мысль, уходить от общественных догм и формировать новое общественное сознание.

ИСТОЧНИКИ

1. Парадокс // Большая советская энциклопедия. — Москва : [б. и.], 1975. — Т. 19. — С. 17.

2. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. — Москва : Просвещение, 1974. — 509 с. — Текст : непосредственный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баранов, В. И. Литературно-художественная критика / В. И. Баранов, А. Г. Бочаров, Ю. Суровцев. — Москва : Высшая школа, 1982. — 207 с. — Текст : непосредственный.

2. Брюшинкин, В. Н. Логика, мышление, информация / В. Н. Брюшинкин. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. — С. 17–18. — Текст : непосредственный.
3. Вагенляйтер, Н. В. Языковой образ политика по данным российских СМИ начала XXI века / Н. В. Вагенляйтер, Л. Б. Никитина. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2014. — 160 с. — Текст : непосредственный.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 264 с. — Текст : непосредственный.
5. Карасик, В. И. Ценности как культурно-значимые ориентиры поведения / В. И. Карасик. — Текст : непосредственный // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и коммуникативной практике : материалы Междунар. науч. конф. — Тяньцзинь : Тяньцзиньск ун-т иностр. языков ; Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2019. — С. 3–11.
6. Култышева, И. В. Убеждение и доказательство в современной российской предвыборной листовке как жанре агитационного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Култышева И. В. — Екатеринбург, 2011. — 24 с. — Текст : непосредственный.
7. Майданова, Л. М. Доказательство и убеждение / Л. М. Майданова. — Текст : непосредственный // Аргументация в публицистическом тексте. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. — С. 6–11.
8. Ольшанский, Д. В. Через лес / Д. В. Ольшанский. — URL: <https://dzen.ru/a/ZcSTYoJfjlZ4rMBZ>. — Текст : электронный.
9. Пейн, Л. Изкуството да пишем живо / Л. Пейн. — Текст : непосредственный // Съвременна журналистика. — 1987. — № 3. — С. 23–29.
10. Платонова, О. В. Средства массовой информации и культура речи / О. В. Платонова, С. И. Виноградов. — Текст : непосредственный // Культура русской речи. — Москва : Норма-Инфра, 1998. — С. 238–280.
11. Прохорова, К. В. Газетный заголовок: проблемы и функциональные возможности / К. В. Прохорова. — Санкт-Петербург : С.-Петербург. гос. ун-т, 2005. — 80 с. — Текст : непосредственный.
12. Руженцева, Н. Б. Лингвополитическая персонология: коммуникативные портреты / Н. Б. Руженцева, Е. А. Нахимова, М. В. Никифорова ; Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2020. — 142 с. — Текст : непосредственный.
13. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. — Москва : Высшая школа, 1999. — 398 с. — Текст : непосредственный.
14. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — Текст : непосредственный.
15. Эпштейн, М. Н. Законы свободного жанра / М. Н. Эпштейн. — Текст : непосредственный // Вопросы литературы. — 1987. — № 7. — С. 120–152.

MATERIALS

1. Paradox (1975). In *Bolshaya Sovetskaya encyclopaedia* (Vol. 19, p. 17). Moscow. (In Russ.)
2. Timofeev, L.I., & Turaev, S.V. (Eds.-comp.) (1974). Dictionary of literary terms. Moscow: Enlightenment, 509 p. (In Russ.)

REFERENCES

1. Baranov, V., Bocharov A.G., & Surovtsev, Yu. (1982). *Literary and artistic criticism*. Moscow: In. Shk., 207 p. (In Russ.)
2. Brushinkin, V.N. (1988). *Logic, transgression, information* (pp. 17–18). Leningrad : Leningrad Univ. (In Russ.)
3. Wagenleiter, N.V., & Nikitina, L.B. (2014). *Linguistic image of a politician according to Russian media of the early 21st century*. Omsk: Omgpu, 160 p. (In Russ.)
4. Karaulov, Yu.N. (1987). *Russkiy yazmatk and yazmatkovaya person* [Russian language and linguistic personality]. Moscow: Science, 264 p. (In Russ.)
5. Karasik, V.I. (2019). Values as culturally significant guidelines for behavior. In *Linguocultural values in linguistic consciousness and communicative practice* (Proc. of the Intern. scientific conf. Tianjin, pp. 3–11). Tianjin University of Foreign Languages; Volgograd: Printerra-Design. (In Russ.)
6. Kultysheva, I.V. (2011). *Conviction and proof in the contemporary Russian pre-election leaflet as a genre of agitational discourse*. (Abstract of Dis. of Cand. of Philol. sciences). Ekaterinburg, 24 p. (In Russ.)
7. Majdanova, L.M. (1989). Proof and conviction. In *Argumentation in public-sticker text* (pp. 6–11). Sverdlovsk: Publ. of Ural Univ. (In Russ.)
8. Olshansky, D.V. (n.d.). *Through the Forest*. Retrieved from <https://dzen.ru/a/ZcSTYoJfjlZ4rMBZ> (In Russ.)
9. Payne, L. (1987). The art of writing live. *Contemporary journalism*, 3, 23–29. (In Bulgarian)
10. Platonova, O.V., & Vinogradov, S.I. (1998). Mass media and culture of speech. In *Culture of Russian speech* (pp. 238–280). Moscow: Norma-Infra. (In Russ.)
11. Prokhorova, K.V. (2005). *Newspaper headline: problems and functional possibilities-news*. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 80 p. (In Russ.)
12. Ruzhentseva, N.B., Nakhimova, E.A., & Nikiforova, M.V. (2020). *Linguopolitical personology: communicative portraits*. Yekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 142 p. (In Russ.)
13. Khalizev, V.E. (1999). *Theory of literature*. Moscow: Higher School, 398 p. (In Russ.)
14. Chudinov, A.P. (2006). *Political linguistics*. Moscow: Flinta: Nauka, 256 p. (In Russ.)
15. Epstein, M.N. (1987). Laws of the free genre. *Voprosy literatury*, 7, 120–152. (In Russ.)